

Организація обществъ трезвости,

какъ одна изъ радикальныхъ мѣръ борьбы съ народнымъ алкоголизмомъ.
(Докладъ Всероссійскому противоалкогольному Съезду, бывшему въ Москвѣ
6--12 августа 1912 года, заслушанный на вечернемъ заѣданіи 1-й секціи,
8-го августа сего года).

Фактъ безпробуднаго народнаго пьянства остается вопіющимъ жизненнымъ фактомъ, передъ которымъ всѣмъ, думающимъ и пекущимся о благѣ народномъ, всѣмъ, такъ называемымъ, друзьямъ роднаго народа, остается горько и по-нуро склонить голову. Не знаемъ жизни города, а тѣмъ болѣе жизни столицъ и потому не смѣемъ что-либо сказать объ алкоголизмѣ городскомъ, но деревня, наша милая, родная, убогая деревня стономъ стонетъ отъ пьянства. Темный деревенскій житель въ пьяномъ безшабашномъ разгулѣ видитъ весь свой досугъ, весь свой покой и праздничное время—провожденіе. Отъ пьянаго дикаго веселья преждевременно сходятъ въ могилу несчастныя, бѣдныя жены, битыя „смертнымъ боемъ“ тяжелой рукой расхोdivшагося пьянаго мужика; отъ этихъ навѣвающихся ужасъ картинъ цѣпенѣютъ въ страхѣ жалкія загупанныя дѣтишки... Выросши въ деревнѣ подь

впечатлѣніемъ этихъ невеселыхъ картинъ, я съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего священства съ затаенной грустной думой смотрѣлъ на это страшное зло, не зная, что дѣлать и что предпринять... Зналъ я, что алкоголизмъ лѣчать, какъ болѣзнь, всевозможными медицинскими средствами, слышалъ я, что встають на борьбу съ „зеленымъ зміемъ“ и пастыри духовные, организуя такъ называемыя общества трезвости, члены которыхъ, связывая себя обѣтомъ трезвости, оставляють свою пагубную привычку и дѣлаются прекрасными трезвыми людьми. Благословился я и открылъ у себя общество трезвости.. Почти четыре года существуетъ оно: пройденный путь какъ будто еще очень коротокъ, чтобы можно было дѣлать какіе-либо выводы и заключенія, но чувствую за собой нѣкое нравственное право высказаться за огромное значеніе въ дѣлѣ народнаго отрезвленія приходскихъ обществъ трезвости вообще и мной организованнаго въ частности. Есть различные взгляды на эту форму борьбы съ алкоголизмомъ не только среди людей, индифферентныхъ къ этому вопросу, но и среди самихъ борцовъ за трезвость, есть и среди нашихъ собратій личности, которыя „покиваютъ главами“ и не стѣняются открыто говорить, что общества трезвости — слишкомъ слабая организація, чтобы объ ея воздушныя стѣны могла сокрушиться страшная сила алкоголизма, что это бесплодная выдумка небольшой группы идеально настроенныхъ молодыхъ людей, это крикливая, громкая погоня за модой послѣдняго времени. Пусть раздаются эти и имъ подобные голоса, но мы воспользуемся случаемъ вслухъ и громко заявить, что общества трезвости, основанныя на религіозныхъ началахъ, находящіяся подъ святымъ покровомъ Церкви и руководимыя ея пастырями, являются могучей организаціей въ дѣлѣ неотложной борьбы съ развившимся народнымъ пьянствомъ. Чтобы не встать на шаткую почву отвлеченныхъ разсужденій по сему вопросу и не вызвать преждевременныхъ возраженій, я позволю себѣ кратко повѣдать почтенному собранію, какіе поразительные факты

заставили меня возвести общества трезвости въ организацию огромной силы и значенія. Предъ окончательнымъ открытiемъ моего общества, какъ организациі, съ опредѣленнымъ общимъ уставомъ, пришлось долго и упорно готовить необходимую почву, пришлось и съ церковной кафедрѣ, и во время вѣбогослужебныхъ собесѣдованій, и въ частныхъ разговорахъ, вообще „благовременно и безвременно“ говорить на тему о гибельныхъ послѣдствіяхъ пьянства, о необходимости немедленнаго отрезвленія и необходимости неотложной борьбы съ властію, „зеленаго змія“. Нельзя сѣять обыкновенное сѣмя въ невоздѣланную землю, не удобривши для него почвы, тѣмъ болѣе нельзя сразу звать въ общество трезвости людей, которые не привыкли разумными глазами смотрѣть на фактъ омерзительнаго пьянства, которые ввели пьянство въ нѣкій жизненный культъ, отвели ему почетное мѣсто на всѣхъ праздникахъ семейныхъ и общественныхъ. Отсюда общій выводъ таковъ, что всякому борцу за трезвость предъ возглашеніемъ его боевого клича: „за трезвость“, предъ его выступленіемъ на открытую борьбу съ пьянствомъ, при помощи организациі общества трезвости, надо при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорить о трезвости и раскрывать народу ужасы и гибельныя послѣдствія пьянства. Нашъ деревенскій народъ темень, онъ не знаетъ даже, что водка—ядъ, отравляющій его самого и потомство; отсюда ясно, что ему слѣдуетъ открыть глаза на этотъ предметъ, надо всесторонне освѣтить этотъ вопросъ въ его сознаніи, заставить его ужаснуться той безднызла, до которой доводитъ человѣка пьянство, а потомъ онъ уже самъ легко и свободно пойдетъ на тотъ свѣтлый огонекъ трезвости, который будетъ зажженъ любящей и заботливой рукой добраго пастыря-трезвенника. Помнится, какъ, послѣ долгой и неуставной подготовки соотвѣтствующей почвы, открыли мы наше давно желанное общество трезвости: въ церкви, въ праздничный день, при звонѣ церковнаго колокола, при свѣтѣ церковныхъ свѣчей... Сто человѣкъ были нашими пер-

выми трезвенниками, такъ сказать, основаніемъ нашего новаго зданія, которому суждено было потомъ подняться на довольно значительную высоту. Сто человекъ произнесли по установленной формѣ клятвенное обѣщаніе, рѣшительно сбросили съ себя позорныя цѣпи пьянства и сдѣлались глашатаями добра, проповѣдниками святой идеи отрезвленія. Но какъ войско бываетъ могуче и побѣдоносно только тогда, когда оно вдохновляется примѣромъ своего военачальника, такъ и взоры борцовъ за трезвость прежде всего обращаются на ихъ руководителя. Абсолютная трезвость самого пастыря, какъ организатора борьбы за трезвость, должна непременно лечь во главу этого дѣла, онъ первый долженъ поднять священное знамя трезвости и нести его въ народную толпу. И это еще не все съ его стороны: ничего такого, что бросаетъ тѣнь на жизнь и поведеніе священника, что принято понимать какъ невинное удовольствіе, напр., открытой выпивки, цѣсенъ, танцевъ, карточной игры въ домѣ священника быть не должно. Онъ цѣлою головою долженъ стоять выше своей паствы, онъ долженъ быть въ своей области, такъ сказать „рыцаремъ безъ страха и упрека“, онъ и въ отношенія такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій долженъ помнить, что „вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу... не вся назидаетъ“. Стоитъ только вообразить всю комичность положенія, всю профанацію его пастырскаго слова, если за литургіей праздника онъ будетъ призывать къ трезвости, а вечеромъ у него гости, выпивка и другія „невинныя“ удовольствія. Все это отъ народныхъ глазъ не укроется, деревенскій обыватель такую жизнь своего пастыря оцѣнитъ по достоинству и далеко не двусмысленная улыбка промелькнетъ по его лицу, когда батюшка будетъ держать предъ ними свою рѣчь о трезвости. Пусть для пастыря это и не всегда легко, пусть назовутъ жертвой его отказъ отъ упомянутыхъ „невинныхъ удовольствій“ и требованіе его абсолютной трезвости, но для спасенія своихъ пасомыхъ онъ долженъ это сдѣлать, долженъ встать во главѣ отрезвленія,

пначе всякая его пастырская работа, не совмѣщающая въ себѣ идеи отрезвленія, будетъ „не съ того конца“. Почему слова и призывы къ трезвости о. Александра Рождественскаго, о. Иоанна Кронштадскаго и др. пастырей были сильны и дѣйствительны? А потому, что ихъ примѣры въ этомъ отношеніи говорили сильнѣе всякихъ словъ. Кто не въ состояніи вырвать съ корнемъ эту болѣзнь въ себѣ самомъ, кто не въ силахъ отказаться разъ навсегда отъ „хмѣльнаго питія“, тотъ пусть знаетъ, что зданіе его трезваго дѣланія создается на пескѣ и паденіе его не замедлитъ совершиться, такому лучше не брать на себя и роли руководителя трезвенниковъ, дабы, уронивши потомъ изъ рукъ святое знамя трезвости, не отдать себя и святую идею отрезвленія на позоръ и поношеніе несочувствующихъ этому дѣлу людей.

Вспоминается мнѣ первый годъ нашего дѣланія на нивѣ народнаго отрезвленія, когда приходилось идти цѣлынон, не видя предъ собой ни просвѣта, ни дороги, ни даже тропинки, когда кругомъ слышались скептическія замѣчанія, видѣлись озаренныя улыбкой недовѣрія лица, когда отъ одиночества становилось страшно, тоскливо и жутко, какъ будто темною ночью въ лѣсу... Но такъ и должно быть, такъ и бываетъ, что не розами, а колючимъ терніемъ всегда устилается путь идейныхъ работниковъ на нивѣ Христовой, и не радости сбывшихся надеждъ и мечтаній ждуть ихъ въ началѣ ихъ дѣятельности, а скорби, душевныя муки и разочарованія. „Въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азь побѣдихъ міръ“ (Іоанн. 16, 33). Вотъ одно утѣшеніе, вотъ одобреніе для всѣхъ желающихъ шествовать по стопамъ Христа „дерзайте, бодрствуйте, крѣпитесь“! И въ этомъ утѣшеніи источникъ всякой силы и залогъ мужественной борьбы съ той страшной силой, на борьбу съ которой выходятъ поборники идеи отрезвленія.

Защищая идею обществъ трезвости и строя эту защиту на основаніи фактовъ изъ жизни руководимаго нами обще-

ства, далѣе мы должны сказать, что наша борьба съ алкоголемъ совершалась и совершается исключительно подъ покровомъ Церкви, ею освящаемая, ею вдохновляемая и ею оживотворяемая. Въ храмѣ, предъ чтимыми иконами небесныхъ покровителей, предъ хоругвью трезвенниковъ и предъ аналоемъ съ св. Крестомъ и Евангеліемъ совершается обычно чинъ принятія новыхъ членовъ общества. Въ правомъ придѣлѣ нашего храма въ рѣзномъ золоченомъ кіотѣ красиво и величаво смотритъ изъ золоченой рамки кроткій образъ пр. Сергія. Это — святыня трезвенниковъ. На трудовые гроши этого сѣраго люда она была сооружена, на гробницѣ Преподобнаго, въ Троицкой Лаврѣ, ее освятили, съ торжествомъ и со слезами умиленія ее встрѣтили и съ тѣхъ поръ, какъ эта святыня поставлена въ нашемъ храмѣ, ни одинъ праздничный день не проходитъ, чтобы не было новыхъ трезвенниковъ. А какія трогательныя сцены приходилось наблюдать за этими трезвенническими молебнами! Сколько слезъ проливалось и проливается предъ св. иконою пр. Сергія — на холодныя каменныя плиты храма! Тутъ плакали и сами трезвенники слезами раскаянія, слезами сожалѣнія о безумно прошедшихъ и нещадно убитыхъ годахъ, плакали о потерянномъ счастьѣ, о своей жизни разбитой, о безумствахъ, безчинствахъ, грѣхахъ... А тутъ же, за ихъ плечами, бились и рыдали въ истерикѣ ихъ забитыя жены, ихъ страдающія матери: ужъ слишкомъ тяжелъ былъ крестъ ихъ жизни, ужъ слишкомъ горька была чаша ихъ безпросвѣтнаго бытія, отравленнаго дикими ужасами ихъ пьяныхъ мужей и сыновей. И вотъ здѣсь ихъ непосильное горе просилось и вырывалось наружу и онѣ, эти страдалицы — русскія женщины, неудержимо рыдали и свои потускнѣвшіе глаза съ тоскливой мольбой поднимали къ образу Преподобнаго, прося его сжалиться надъ ихъ несчастной долей и отрезвить ихъ, безпробудно пьяныхъ, отупѣлыхъ и жалкихъ мужей и отцевъ.

Намъ приходилось слышать мнѣнія, что особая торже-

ственность этихъ молебновъ излишня и напрасна, что-де довольно пѣсколькихъ немногихъ словъ увѣщанія, а потомъ регистрація трезвенниковъ и—все.

Въ городахъ, особенно столичныхъ, гдѣ элементъ трезвенниковъ болѣе или менѣе сознательный и просвѣщенный, можетъ быть, это мнѣніе и такая практика покоится на извѣстныхъ основаніяхъ. Но наша темная деревня диктуетъ намъ другое: 1) торжественность чина принятія трезвенниковъ, 2) содержательность увѣщательнаго священническаго слова при этомъ, а 3) затѣмъ торжественная, громко произнесенная, формула обѣщанія—это, можно сказать, алфа и омега трезваго дѣланія. Почему именно такъ, постараемся доказать высказанныя положенія нашими личными наблюденіями. Торжественность и умильность чина принятія или трезвенническаго молебна необходима, какъ умиротворяющая и размягчающая душу кающагося грѣшника молитвенная атмосфера, которая навѣваетъ на него сознаніе его паденія, грѣховности, размягчаетъ душу и дѣлаетъ ее способной вернуться къ Богу, къ счастью, къ семьѣ. Часто приходится наблюдать, какъ при однихъ только словахъ Евангелія: „Прійдите ко мнѣ труждающіеся и обремененніи“,—тяжелая, крупная слеза скатывается съ загорѣлой щеки мужика и тяжелый вздохъ вырывается изъ его богатырской груди. Необходимость болѣе содержательнаго увѣщательнаго слова къ трезвеннику при его принятіи вызывается тѣмъ, что пусть онъ хотя-бы тутъ-то и выслушаетъ всю правду о пьянствѣ отъ начала до конца: пусть слушаетъ, сколько зла, пороковъ и бѣдствій родится отъ пьянства, пусть знаетъ, до какого убожества матеріальнаго и духовно-нравственнаго доходитъ пьяница, пусть слышитъ о тюрьмахъ и острогахъ, куда чаще всего приводитъ пьяная жизнь, пусть слышитъ о больницахъ, домахъ умалишенныхъ, куда, если не попадетъ самъ алкоголикъ-отецъ, непременно придутъ его несчастныя, больныя, часто умалишенныя дѣти... Пусть онъ все это и тому подобное прослушаетъ и ужас-

нется открытой предъ его глазами бездны и пусть слово проповѣдника трезвости звучить въ этомъ случаѣ какъ набатъ, какъ голосъ проснувшейся совѣсти и бьетъ по струнамъ его размягченного слезами и раскаяньемъ сердца.

Сказавши о необходимости содержательнаго слова увѣщанія при принятіи трезвенниковъ, мы должны договорить, что огромную пользу при этомъ приносятъ листы и брошюры, особенно если они составлены самимъ руководителемъ общества, къ которому у трезвенниковъ является особое довѣріе и уваженіе и слѣдовательно не только его живое слово слушается ими со вниманіемъ, но и печатная брошюрка прочтется съ интересомъ. Нами, за все время почти 4-лѣтняго существованія нашего общества трезвости, составлено и отпечатано до 15000 листовъ и брошюръ, и намъ неоднократно приходилось слышать, что ростъ нашего общества много обязанъ именно этой летучей противоалкогольной литературѣ.

А затѣмъ—самый важный моментъ: это всенародное торжественное обѣщаніе на извѣстный срокъ не употреблять ничего опьяняющаго. Безъ этого обѣщанія, безъ этого могучаго духовнаго средства, связывающаго слабую расшатанную волю сбившагося съ праваго пути человѣка, наши труды и всевозможныя усилія отрезвить нашу паству, не приведуть ни къ чему. Знаемъ примѣры, гдѣ руководители дѣла отрезвленія хотѣли исключить необходимость обѣта, какъ будто бы стѣсняющаго совѣсть нѣкоторыхъ немощныхъ, но послѣдствіемъ этого было то явленіе, что члены ихъ обществъ, не смущаясь дальностью разстоянія, бѣжали туда, гдѣ общества трезвости существуетъ на началахъ торжественнаго обѣта, и оттуда начинали свое отрезвленіе.

И вотъ, идя этимъ вышеписаннымъ путемъ, мы скромно подходимъ къ четвертой годовщинѣ существованія нашего Карлинскаго общества трезвости и должны сознаться, что количество трезвенниковъ прибываетъ къ намъ не только съ каждымъ праздникомъ, но и почти съ каждымъ днемъ. Всего

со дня основанія общества до сего времени было записано и принято на разные сроки до 3000 человекъ. Были дни, когда вступали одновременно отъ 40 до 50 человекъ, а такое количество для деревни—очень большое количество. Но говоря о дѣятельности нашего общества исключительно только съ цѣлью подѣлиться свсими думами съ почтеннымъ собраніемъ практическихъ борцовъ за народную трезвость и съ благодарностью выслушать ихъ поправки и возраженія по вопросу организаціи обществъ трезвости вообще, мы далеки отъ мысли что либо изъ сдѣланнаго и положеннаго нами въ сокровищницу дѣла трезвости приписать себѣ и своему еще недолголѣтнему опыту и умѣнію. Мы вѣримъ въ непроложность словъ Спасителя: „безъ Мене не можете творити ничесоже“ (Іоанн. 15, 5) и сознаемъ, что не мы, не мы, а благодать Божія, сила Божія, въ нашихъ немощахъ проявляющаяся, творила и созидала это святое дѣло. Мы-же „раби неключими есмы: яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ“ (Лук. 17, 10).

И такъ, что мы знали и что могли сказать объ организаціи обществъ трезвости и объ огромномъ значеніи этой организаціи въ дѣлѣ народнаго отрезвленія, мы сказали. Этимъ путемъ мы идемъ и не сойдемъ съ него до конца. И если мы не увидимъ своего врага окончательно побѣжденнымъ, то все-же общими усиліями ослабимъ его власть и ложное обаяніе надъ нашимъ роднымъ народомъ, а это одно сознаніе способно не только окрылить и поддержать часто слабѣющія наши силы, но исполнить сердца наши такой радостію, которой никогда и „никто-же возметъ отъ насъ“...

Священникъ *Сергій Петровскій.*